

Купер Юрий

В самой загадочной галерее Москвы «Лондон Контемпорари Арт» (одной из сети галерей арт-дилера Игоря Метелицына, в которой продают картины только западных мастеров, исключение — россиянин Рустам Хамдамов) прошла двухдневная закрытая выставка-продажа Юрия Купера — одного из самых востребованных в мире художников. На открытии были: Настя Вертинская, Олег Янковский, Зураб Церетели и VIPы из бизнеса и властей. Предыдущая выставка Юрия Купера была в ГМИИ им. Пушкина.

Известия — 2003 — 23 апр. — с. 11.
Олег ОСЕТИНСКИЙ

«Сестры тяжесть и нежность, Одинаковы ваши приметы». О. Мандельштам

Святой дурак из Москвы

«Купер» — по-английски «медник». Русский художник Юрий Купер в 1965-м уехал во Францию. Написал там скандальный роман «Святые дураки в Москве». Очень быстро стал очень популярным во Франции художником. Купил изящ-

— Нет, хочу интервью. Вот тебе вопрос — как ты «ваще» стал художником?

— Как? По бедности. Отец был скрипач, убили на войне. Мать работала копировщицей. Детство в коммуналке. Друзья хулиганы. В школе пили водку, играли в футбол, туфлю сплошная. Одноклассник Грачев пел пародию на Утесова: «Звуки заунывные, голос огрубел, дорогой товарищ, ты свое уж спел». Вот этот Грачев и предложил, когда стали думать после школы: «А пойдём в Строгановку». Я говорю: «Мы ж никогда не рисовали, у нас и работ нету». А он так небрежно: «Юр,

— Уехал почему?
— От хамства. От грубости. От глупости. Надоело.

ный замок в Нормандии, который снимают все ТВ мира. А потом? «Потом мне захотелось в большой город», — усмехается Купер. И, как бы сменив Михаила Шемкина, пережившего во Францию, Купер быстро завоевал Нью-Йорк, круто обогнавшись в самом центре, в квартале Грамерси, рядом с Бродвеем.

Рано утром у стойки бара в своей огромной и торжественной мастерской со стеклянным потолком (метров под 15 высотой!), где я за несколько дней увидел десятки VIPов со всего мира: кинозвезд, галерейщиков и просто миллионеров, — Купер встречает свою англосаксонскую секретаршу Кэтрин. С

там же опытные люди! Только нас увидят, все поймут и нас примут». Историческая фраза. Короче, нас даже не допустили до экзамена. Мать сказала — «антисемиты!» И пошла жаловаться к соседу — шрифтовику. Он и направил меня к Бере Яковлевне Тарасовой — ученице великого Чистякова. Прихожу к ней на Арбат — а там музыка французская, дети сидят интеллигентные, я таких вообще до того не видел. И черным углем рисуют белые маски греческих богов. Не видя, что там серебряные тени, а не этот уголь печной! И это был мой первый визуальный импульс — к серому, жемчужному, серебристому.

— Художник — в стилистике его подписи. Чем больше размер и чем больше витиеватости, — тем хуже художник.

неба-потолка льется свет бодрого нью-йоркского солнца. Купер и Кэтрин тихо шепчутся — это вроде радения в церкви. Потом Купер работает. Потом — факсы и мыло. Из Венеции благодарность за выставку, из Лос-Анджелеса благодарность за огромную афишу Мэрилин Монро с тюльпаном, из Москвы прислали ноты для оформления альбома Вертинского. Кстати, когда где-нибудь затеваются оригинальные дизайнерские проекты, Купера зовут сразу. Альбомы Пастернака, Блока, Цветаевой в его оформлении были распроданы мгновенно, что и неудивительно — стоили недорого. Удивительно другое: альбом стихов Пастернака, вызывающее оформление Купером — на оборотной бумаге! — был в Англии тоже раскуплен очень быстро, хоть и стоил 3000 баксов.

Звонки, интервью, деловые визиты... В 11.00 Купер идет в тихий немецкий ресторан завтракать. Его встречают и усаживают как дорогого гостя. Купер заказывает «Манхэттен», устриц или бульон с эскаро, пюре, австрийские сосиски, итальянское пирожное «каннелоне». Пиво он любит «Бруклинский монстр» — темное и крепкое. А женщины — белых и нежных. Был женат дважды. Первая жена — известный диктор Лора Еремина, вторая — знаменитая манекенщица Мила Романовская. По гороскопу Купер — нежный Рак, на вид как бы флегматик, внутри — страшный холерик. А вообще, смеется он, «я скорбный жуир и наивный мизантроп». Поди разберись...

«Они все поймут и нас примут»

— И сколько ж стоит твоя мастерская? — спрашиваю я после третьей кружки чешского «Праздрия» — самое нынче модное пиво в Нью-Йорке.

— Лимонов под пять. Хочешь купить?

— А потом как тебя учила Тарасова?

— Просто. Взяла газету со стола, смяла, бросила на пол — рисуй! И на всю жизнь я ушел от линейности — к фактуре, к образу. А потом — сам. «Живут, советам вопреки, своим умом ученики», — Гёте

Тайны айрис-принта и серого цвета

— Ты поменял много техник — офорт, литография, скульптура, акварель, фотография, коллаж, и вот сейчас — моднейший айрис-принт. Что это такое?

— Цифровая фотография, сделанная сканером с огромным разрешением, — она дает много толчок. Понимаешь, есть поверхность, которые можно рассматривать часами, — старые стены, облака. А есть белая поверхность стиральной машины — бросил взгляд и ушел. Почему? Потому что информации ноль. Забавный эффект поверхности зависит от количества информации, т.е. количества точек на квадратном сантиметре. Вот почему так действуют старые фотографии? Потому что раньше процесс проявки был несовершенный, на фотографиях оставалось серебро, много серых точек. (Кстати, совсем недавно ученые выяснили, что именно при восприятии серого цвета клетки сетчатки глаза находятся в равновесии: равное число клеток испускает энергию и поглощает ее. То есть после восприятия именно серого цвета глаз готов активно воспринять любой другой цветовой акцент.) Так вот — много точек! — это и есть картина — некое средство, дающее глубочайший эффект возбуждения, созерцания и релаксации, т.е. эмоциональную информацию, которая завораживает. И зритель уже не думает о том, что нарисовано, он созерцает — и думает о своей жизни. Цель художника достигнута!

В Россию стали приезжать американские художники.

Причем самые знаменитые

Серебряный Купер

Босое утро под карандашом

— Во Флоренции, в галерее Уффици, я вдруг наткнулся взглядом на рисунок за стеклянным колом. Кусок шелка — и на нем складки. Всё. И я онемел — это была та самая многоточечность, о которой мы говорим, трехмерность... Вроде кусок шелковой тряпки, но это был...
— Бог?

— Да. Это был рисунок Леонардо...

— А художникам без такого сканера ты что предлагаешь — бросить рисование?

— Зачем? Сканер легко заменяется трудом. Которым. Огромное количество лессировок, «забывание» холста. Итог — светоносность. Картина излучает свет. Когда в первый раз выставили «Ночь на Днепре» великого русского мастера Куинджи, зрители заглядывали за картину — думали, там лампочка светится же!

— Так скажи — что же есть живопись?

— На самом деле это простая вещь. Выдавливает из тюбика краску. Сделав какие-то пассы, укладываешь ее на холст. И видишь: это — земля, это — небо, это — цветок. То

есть живопись — это умение материальную субстанцию, краску из тюбика, перевести в другую субстанцию — духовную.

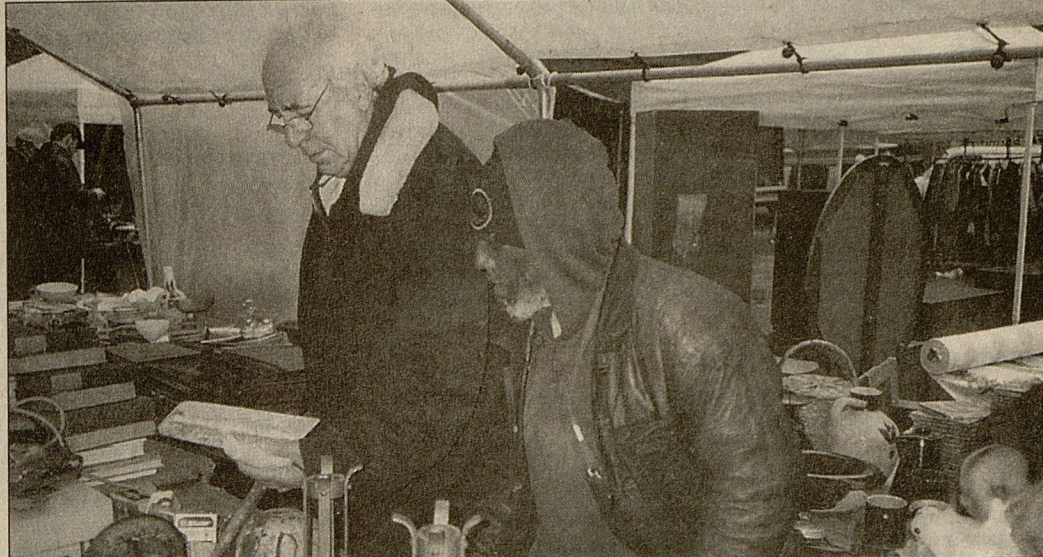
— Действительно, несложно. Но 99% художников ведь точно так же выдавливают краску на холст — а краска остается краской...

Сестры тяжесть и нежность

Я не люблю архитектуры из бетона, музыки из компьютера. У науки есть цель — истина. А какая цель у искусства? Цель искусства — выявление поэзии в космосе, то есть любви ко всему живому и всему сотворенному Богом. Если ху-

дожник не поэт — он ремесленник, господин Никто.

Купер прежде всего поэт. Он, смеясь, говорит: «Моя эстетика — от ностальгии по коммуналке. Потерянные сундуки, корыта по стенам. От многолетних человеческих прикосновений все предметы становятся благородными, их даже не надо натирать воском!» Да, Купер поэтизирует, воспекает, обожествляет прелесть самой обыденной нищеты, ничемной, жалкой, забытой, заброшенной, нищей совковой жизни. Его натюрморты полны жизни. Все эти скрепки и молотки — знак какой-то страшной, пугающей твердости — и меланхолии. Строго говоря, это поэтика стоицизма. Его картины пробуждают томление, грусть, то особое состояние, которое называется «созерцать с удовольствием». Купер-поэт воспекает «нищих духом», кротких стойков своей русской коммуналки, обращая минимализм их нищего мира в мощное космическое бытие, полное гигантских надежд, любви и страха. Воспевает тяжело, мощно и нежно — никаких воплей, крика или стёба. В сущности, Купер страдает всему живому в духе Достоевского, но под маской корректного пейзажиста — от пафоса век отучил.

Купер торгуется на «блошином рынке». Отличный камень!

— Любимые мастера — Фра Анджелико, Леонардо, Веласкес, Вермеер. Среди русских — феноменальные мастера Репин и Крамской. И вообще: идешь по Третьяковке — Боровиковский, Федотов, Венецианов, Серов, Касаткин, замечательный Перов, Левитан — сын раввина, подлинно русский художник.

Но — внимание! Купер — не копировщик, не псевдореалист. Он с натуральными предметами обращается, как с абстрактными мотивами. Использует их формы, как музыкант ноты. Собственно говоря, те же проблемы — как создать чистое изображение «по Платону» — волновали великого Сезанна. Смешно ведь думать, что Сезанн писал пейзажи — он писал пейзажи своей душевной мощи, своего отношения к жизни, используя деревья уже почти как абстрактные знаки. Кстати, «пробиваясь» сквозь догматы тогдашних реализмов, академизмов, импрессионизмов ему было труднее — за плечами Купера уже почти век авангарда. Теперь уже и зрители начинают просекать, что абстрактная живопись есть как бы Музыка, — самое абстрактное из искусств, но действующее на нас эмоционально.

О постмодернистах и гусарах

Патяев постмодернизма презираю. Кулик, Бренер и прочие делают вид, что они первооткрыватели всего этого стёба. А помини анекдот про гусаров? Двух гусаров пригласили в дом почтмейстера. Ну, там кто-то поет, кто-то играет, кто-то рисует, а гусаров никто не замечает. Стоят они у пианино, усы крутят. И тут одного осенило: «А может, на... ведь это не им, это нам надо — знать, кто подлинный. Пора научиться воздавать при жизни. Да, Купер — знаменитый и богатый художник. Но при этом — бывает и так! — по-настоящему великий. Его картины действуют на всех. Вот почему они покупают не только богатые люди — но и самые изощренные ценители, и художники. На днях элитарный художник Рустам Хамдамов, который никогда никого не покупает, — купил за дорого картину Купера. Кураторам это приносит выгоду, они продают билеты, одурочивая низший класс публики, шудру. С шудры можно собрать по рублю за любую зрелище — называя его искусством, новой волной, авангардизмом... А это — «миммо тещино до я без шуток не хожу»...

До бронзы

«Купер» по-английски — «медник». Но на самом деле русский художник Купер — серебряный. Потому что свечение его картин — свечение души как бы серебряной, жемчужной, «перль» — как небо над его любимым Парижем в апреле. Гово-

рят, он втирает в свои краски серебро. Не знаю. Может, серебро души. Но знаю, что он никому не втирает очков. Везде мерцает и просвечивает его уточненная и мощная натура. «Главное — просвечивать на холст» — любимая его шутка. «И тогда сами все принесут, поймут и нас примут!» — помните шутку его одноклассника? Он оказался прав.

Этот огромный человек напоминает мне свечу, пламя которой равно колеблется под ветром. И эта свеча демонстративно и нагло светит на предметы совершенно как бы отслужившие, бывшие, ненужные, никчемные — не виноград, не хрустальные бокалы и не серебряные вилки.

— Твой художественный и моральный ориентир?

— Великий писатель Андрей Платонов. Он дал мне ощущение той поэзии обычной жизни обычного человека, в презрении к которой я вижу страшный грех. «Никто не хочет любить в нас обыкновенных людей, — говорил Чехов, — и это ужасно». У «простого» человека — сложнейший мир.

Мы все теперь знаем, кто самый знаменитый, кто хитовый, кто крутой. Но вот кто великий — это как бы после бронзы. А надо бы — до. И ведь это не им, это нам надо — знать, кто подлинный. Пора научиться воздавать при жизни. Да, Купер — знаменитый и богатый художник. Но при этом — бывает и так! — по-настоящему великий. Его картины действуют на всех. Вот почему они покупают не только богатые люди — но и самые изощренные ценители, и художники. На днях элитарный художник Рустам Хамдамов, который никогда никого не покупает, — купил за дорого картину Купера.

— А почему ты все время ходишь в своей мастерской босиком или в носках? Можешь, это связано с религиозной верой предков — хасидов?

— Я хожу в носках потому, что ненавижу вид тапочек.

ра, на которой изображен простой малярный скребок.

Работы Купера хранятся в музеях — от Третьяковки до нью-йоркского «Метрополитен», висят в крупнейших банках Германии и Франции и у самых разных людей во всем мире — от президентов до... Скажем, у Кобзона и Тайванчика, у братьев Черных и Роберта Олтмана, режиссера-оскароносца, у знаменитого дизайнера Эштера во Франции и у знаменитой актрисы Энн Арчер в Лос-Анджелесе, у норвежской королевы, английского принца и великого Гарри Беллафонте. Его уже пытаются подделывать. Но во всем, что он делает, есть одно неудобное качество — величие. И с этим ничего нельзя поделать — потому что его и трудно подделывать!

Когда его хвалишь, он усмехается: «Ну, здесь просто много точек... Что еще? Да, у него свой столик у «Хелен» — в самом престижном интеллектуальной и художественной элиты Нью-Йорка ресторане — это как у Тиффани. У него замок в Нормандии и квартиры везде. Но что бы и где бы ни делал Купер — он все

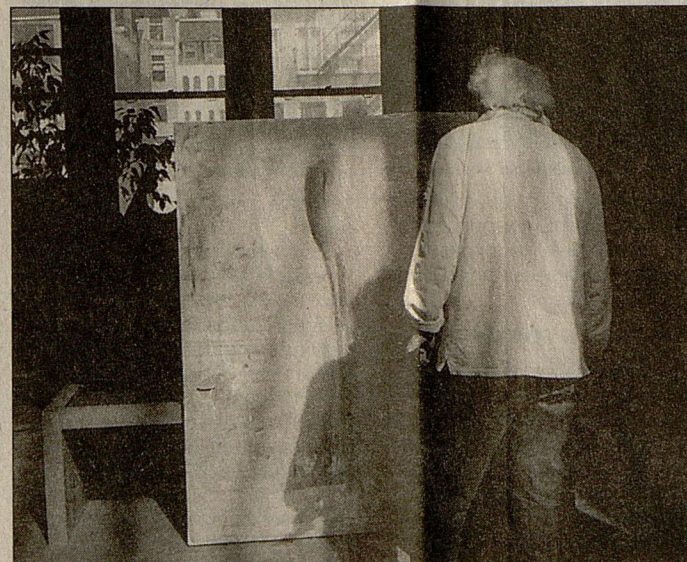
равно святой дурак из Москвы, он живет на углу Мещанской и Дурова, в своем бедном детстве.

Название его новой пьесы о коммунальной квартире всего его мира — «Только ветер». И поставить ее хочет знаменитый режиссер Роберт Олтман — он мне это сказал лично — в Ливупуде.

И вот он снова в одних носках стоит у стойки своего бара, как бы созерцая свой космос, отпивает кофе, собирая силы и концентрируясь, чтобы приступить к очередным вершинам общности, ничемности, поработать нас их величием — и глубиной этого величия.

Купер с Робертом Олтманом. Идет кастинг

Знаменитый тюльпан созерцает своего мастера

Де Ниро счастлив, под мышкой две литографии Купера. Ждем лимузин

Сколько стоит неофициальное искусство

Русское неофициальное искусство (к кругу которого принадлежал и Юрий Купер) появилось на Западе в 70-е и, особенно, 80-е годы. Тогда же появились его первые коллекционеры. Цены на произведения этих художников (некоторые из которых к тому времени уже эмигрировали — Купер уехал в 1972 году) были невелики — рынок русского неофициального искусства просто не существовало, а его собирание было, скорее, актом политическим, дипломатическим, благотворительным (тогда же, например, во Франции и США были созданы арт-центры с говорящим названием «Музей русского искусства в изгнании»). Потому боль-

шая часть вещей доставалась коллекционерам бесплатно или за символическую плату. Но к 90-м годам эта система закончилась: волевыми, потому, что коллекционеры утратили «политический» интерес к русскому искусству, во-вторых, потому, что наших художников на Западе с каждым годом становилось все больше (сейчас их насчитываются десятки, а то и сотни), и заниматься благотворительностью стало уже невозможно. Русским художникам пришлось приспособиться к западным формам арт-жизни. На Западе у художника есть два способа зарабатывать на жизнь. Первый — получая гранты от

фондов, музеев и других организаций на изготовление работ для крупных арт-фестивалей и музейных экспозиций. Второй — продавая свои работы через галереи (как правило, галерея заключает с художником долгосрочный контракт). Покупатели в таком случае — в основном банковско-гостиничное сообщество, приобретающее картины для украшения интерьеров. Гранты не так велики, но приносят признание арт-тусовки. Галереи дают значительно больше деньги — и известность в среде звезд и вивов. С Юрием Купером работают галереи в разных странах мира. Его работы можно купить не

только в США, но и в Англии, Франции, Швейцарии. Цены — от нескольких тысяч долларов, но (в зависимости от техники, размера и времени создания работы) могут доходить и до 20—30. В одной из вашингтонских галерей работу Купера 1966 года сейчас можно купить за 5 тысяч долларов. Примерно столько же стоят и другие наши неконформисты (Эдуард Штейнберг, Борис Заборов и др.). Ниже цены на ведущем онлайн-аукционе E-bay — там вещи Купера можно купить за несколько сотен долларов. Антикварный рынок современного русского искусства почти не принимает. На «русских торгах»

«Сотби» в Лондоне (самом влиятельном аукционе нашего искусства), как правило, бывает лишь два-три современных художника. Особенно популярны Наталья Нестерова, Владимир Янкилевский, Леонид Пурегин. Картина последнего на прошлогоднем аукционе ушла за 13 тысяч фунтов (около 18 тысяч долларов). Что касается рекордов, то их ставит Илья Кабаков, причём как на музейно-фестивальном фронте (он регулярно выставляется на крупнейших выставках современного искусства и представлен во всех крупных музеях), так и на рынке — в марте одна из его работ была выставлена на знаменитой нью-йоркской ярмар-

ке «Армори шоу» за 250 тысяч долларов (правда, неизвестно, была ли она продана). На российском арт-рынке работы бывших неконформистов востребованы гораздо меньше. У нас предпочитают антиквариат или произведения молодых художников. Тем не менее на неконформистах специализируются некоторые галереи, например, галерея «Кино». Цены примерно те же, что и на Западе, но в некоторых случаях (например, на новые картины, специально привезенные из-за границы, соответственно, с уплатой таможенной пошлины) даже выше.

Николай МОЛОК